

Ильин В.Н.

Владимир Сергеевич Соловьев К тридцатипятилетию со дня смерти

*Здесь духа мощного господство,
Здесь утончённой жизни цвет*¹.
А. Фет

30 июля (12 августа по новому стилю) 1935 года исполнилось тридцать пять лет со дня смерти великого русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900)². В переживаемую сумеречную эпоху, в дни всеобщей варваризации и нравственного снижения, надлежит нам с благоговением помянуть имя человека, явившего России — более других стран пострадавшей от варваризации, образ утонченной умственной культуры и большой нравственной высоты. У себя на родине В.С. Соловьеву выпала заслуженная честь воспринять имя «Философа», так сказать, *par excellence* — «с большой буквы». В средние века достаточно было сказать «Philosophus» (философ) — и все знали, что речь идет об Аристотеле. Подобно этому, достаточно русскому культурному че-

¹ Из стихотворения А.Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1883 г.)

² Для истории русской мысли характерна традиция поминок по В.С. Соловьеву. Соловьев умер в 1900 г., и с тех пор преимущественно отмечают именно дату его кончины, а не рождения. Десятилетия памяти философа была посвящен сборник «О Владимире Соловьеве», участие в котором приняли С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, Кн. Евг. Трубецкой, А. Блок, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн. Двадцать пятая годовщина смерти Соловьева была отмечена уже в эмиграции. В 2000 г. в России была отмечена сотая годовщина — в память о философе прошла Международная конференция в Академии наук. С.С. Хоружий замечает, что подобная традиция, видимо, связана с «татантоцентризмом русского и православного сознания, их поглощенностью темой смерти и воскресения» (см.: *Хоружий С.С. Наследие Владимира Соловьева сто лет спустя* // Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва. 28–30 августа 2000 г. М.: «Феноменология-Герменевтика», 2001). Статья В.Н. Ильина, посвященная тридцатипятилетию кончины мыслителя, продолжает традицию поминок по Соловьеву.

ловеку сказать «философ» — и его собеседникам невольно приходит в голову, что речь идет о Владимире Соловьеве. Имя автора «Оправдания Добра» принадлежит к тем немногим именам, бранить которые или упоминать всуе считается признаком дурного тона. Явление такого «Философа» в России — это поистине вручение ей «патента на благородство»³.

Нет возможности здесь излагать биографию «Философа», далеко еще не разработанную. Упомянем только, что и по крови и по культуре Владимир Соловьев представляет многозначительное сочетание, плодотворный синтез великорусского и украинского элементов⁴ на почве единой культуры великой империи великого Петра. Владимир Соловьев не только написал «Оправдание Добра», — он всей своей деятельностью, всей своей личностью был живым оправданием Империи, и в то же время ее неумолимой нелицеприятной совестью. Чистый и кроткий, как дитя, как голубь, отдававший всякому просящему последнюю копейку, последнюю одежду, — он обладал «жалом мудрой змеи»⁵ в области дел литературных и общественно-государственных. Мы уверены, что если бы с этой живой совестью русской нации считались руководившие судьбами Империи в последние «сумеречные» десятилетия, не произошло бы многого того, потрясенными свидетелями и страждущими жертвами чего мы стали.

Есть гении неудачники — родившиеся не во время и не нашедшие себе отклик в чуждой им среде. Но есть и счастливые гении, их появление совпадает обыкновенно с эпохой тех запросов, на которые по свойству своего дара они призваны дать ответ. Владимир Соловьев относился несомненно ко второй категории. И хотя он умер как будто слишком рано, не успев написать ни «Теории познания», ни «Эстетики»⁶ и справившись с одной только

³ Из стихотворения А.Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1883 г.).

⁴ Отец мыслителя, С.М. Соловьев, был русским, а мать, Поликсена Владимировна, происходила из украинской семьи. От матери идет известная линия родства Соловьева с украинским философом Г.С. Сковородой.

⁵ Из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826 г.).

⁶ Вопрос о том, успел ли В.С. Соловьев написать «Эстетику» остается дискуссионным. Некоторые исследователи творчества Соловьева предполага-

«Этикой» («Оправдание Добра»), все же возложенный на него крест призвания он с честью донес до дня, когда окончил земное свое существование. И его последние слова — «трудна работа Господня»⁷ — выражая тяжесть понесенного им ига, одновременно означали, что «работу» эту он по мере своих человеческих сил добросовестно старался выполнить.

Время, в которое явился Владимир Соловьев, было тяжелой и критической эпохой. Россия еще только вступала в «эпоху смен двух катехизисов, когда обязательный катехизис митрополита Филарета был внезапно заменен тем же обязательным авторитетом Людвига Бюхнера»⁸.

Владимир Соловьев возвышается над обоими лагерями и блистает совершенно непостижимой широтой интересов и подвижностью мысли. В силу целого ряда обстоятельств он из сотрудника охранительных изданий («Русского Вестника», издаваемого Катковым и «Православного обозрения») делается сотрудником либеральных журналов («Вестник Европы», «Неделя»). Дело совсем тут не в «перемене убеждений». Никаких «убеждений», имущества вообще довольно жалкого, у Владимира Соловьева не было. У него была горячая непоколебимая вера во Христа и Его Церковь, да изощренный громадный ум, блиставший невероятной эрудицией.

Очень остроумно говорит Э. Радлов, что со славянофилами и охранителями-консерваторами у него были общие симпатии, а с либералами его соединяли общие антипатии⁹. Общие симпатии —

ют существование его трактата по эстетике весьма вероятным. Например, Б.В. Межуев, исследуя поздний период творчества мыслителя, а также его некрологи, в которых содержатся упоминания об оставшихся рукописях философа, аргументирует в пользу существования «Эстетики» (см.: *Межуев Б.В.* К проблеме поздней «Эстетики» В.С. Соловьева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ. 1998).

⁷ Об этом вспоминает С.Н. Трубецкой (см.: *Трубецкой С.Н.* Смерть В.С. Соловьева // Вестник Европы. 1900. кн.9.).

⁸ *Соловьев В.С.* Письмо к редактору «Вопросов философии и психологии» Н.Я. Гроту. О заслуге В.В. Лесевича для философского образования в России // *Соловьев В.С.* Собр. соч. в 10-ти т. Т.6. СПб.: Просвещение. 1914. С. 270.

⁹ Возможно, В.Н. Ильин имеет в виду следующее высказывание Э.Л. Радлова: «Программа Соловьева не могла быть ни программой либералов, ни про-

это горячая любовь к Российской Империи и к ее величию, славе, обусловленная этой любовью жажда всемерного просвещения ее светом Христовым, влечение к благоустроенной церковности. Общие антипатии — тупость, обскурантизм, рутина, застой. Впрочем, «Философ» конечно не мог не видеть, что этими малопохвальными свойствами в достаточной мере отличались обе противостоящие друг другу стороны.

Подобно этому возвышению над обеими крайностями общественной жизни и общественных настроений парил «Философ» над крайностями церковной православно-римской распри, так же, как и над противоположностью интуитивного и дискурсивного методов области чистой философии.

Все последующее движение направленное к сближению христиан, стоящих на вселенско-церковной и догматической почве, несомненно носит на себе печать религиозно-философской идеи Владимира Соловьева. Католиком он никогда не стал, и нет никаких оснований называть его «русским Ньюманом»¹⁰ — как это иногда делают католики. Мало того, впоследствии, в эпоху написа-

грамму консерваторов, так как воззрения Соловьева ставили его выше тех и других; у него были лишь точки соприкосновения с теми и другими. [...] Охранителям он говорил: Вы совершенно правы и заслуживаете всякой похвалы за то, что хотите охранять основы гражданского общежития, — это дело самое важное; прекрасно, что вы охранители, беда лишь в том, что вы плохие охранители: вы не знаете и не умеете что и как охранять. Слепота ваша происходит от самомнения, а это заслуживает извинения, ибо зависть не от злой воли, а от вашей глупости и невежества... Софистам же он говорил: прекрасно вы делаете, что вы подвергаете все вашей критике, жаль только, что мыслители вы плохие». (См.: Радлов Э.А. В.С. Соловьев. Биографический очерк // Соловьев В.С. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. СПб.: Просвещение. 1914. С. XXII–XXIII.)

¹⁰ Определение, данное Соловьеву французским иезуитом Мишелем д'Эрбиньи в сравнение с английским кардиналом Джоном Генри Ньюманом (см.: *Michel d'Herbigny Un Newman russe: Vladimir Soloviev (1853–1900)*. Paris, 1911.). В.Н. Ильин категорически отрицает католичество Соловьева. Однако на этот вопрос сложно ответить однозначно. В 1927 г. в журнале «Китеж» (№8–12, Варшава) был опубликован «Акт о присоединении Вл. Соловьева к католичеству», подписанный о. Николаем Толстым, кн. Еленой Долгоруковой и Д.С. Новским, подтверждающий факт канонического присоединения Соловьева к католической Церкви 18 февраля 1896 года.

ния «Трех разговоров» (1899–1900), т. е. непосредственно перед смертью, в связи с охватившим его предчувствием конца мира, он включил в свой мистический замысел церковного единения и протестантов. Это настроение Владимира Соловьева, где так грозно и так правдиво сочетается чувство надвигающейся собственной кончины с последним катаклизмом — есть установка глубоко православная и чуждая как католикам, так и протестантам.

Автор «Трех разговоров» есть в этом смысле явление истинно и глубоко пророческое, выросшее из почвы православия, но не стилизованного или этнического («амъ славъ» с петушками, луковками и проч.), но православия вечного, православия св. ап. Иоанна Богослова. Вообще, не из пустого символизма, или игры антитезами, но по искреннему и глубокому вхождению во все три сферы разделившегося христианства, «Философ» возглавляет: православие — епископом¹¹ старцем Иоанном, католичество — папой Петром II и протестантизм — профессором Паули (явный намек на св. ап. Павла). Т. е. это значит, что ко времени последних свершений Церковь должна принести Богу-Христу после отсеивания и очищения от всего не достойного, уходящего к антихристу: православие — любовь, католичество — силу, протестантство — знание. Святая триада Любви, Силы и Знания, в которой предстанут ветви единого мирового Церковно-Вселенского Христианства — вот это скажет Грядущему:

– Ей гряди, Господи Иисусе!

Мы полагаем, что эти три священных символа Любви, Силы и Знания, слитых во всеедином лике Софии, Божественной Премудрости и были главными путеводными звездами в трудном духовном пути «Философа». Их он страстно писал всюду, ими вдохновлялся как в религиозно-философском, так и в поэтическом

¹¹ Старец Иоанн был епископом «на покое»: «Действительным, хотя неофициальным, вождем православных был старец Иоанн, весьма известный среди русского народа. Хотя он официально числился епископом “на покое”, но не жил ни в каком монастыре, а постоянно странствовал во всех направлениях» (*Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. СПб.: Просвещение. 1914. С. 208.*).

творчестве. «Философия подает руку религии»¹² — этот важнейший итог тонкой и сложной умственной работы в его «Кризисе западной философии против позитивизма» есть исходный тезис его мирозерцания и лозунг духовно творческой работы. Поэтому, «оправдывая веру отцов»¹³ (в «Оправдании Добра»), он избрал такую философскую систему, которая сама некогда была и осталась мощным основанием догматического выражения этой веры. Система, о которой идет речь, есть новоплатонизм — гигантская и вдохновенная религиозно-философская концепция IV века по Р.Х. и связанная с именами Плотина, Прокла, Ямвлиха, Порфирия и Аммония Саккаса. Основоположник церковного отеческого богословия, гениальный Ориген (185–254) вместе с Платином учился у Аммония Саккаса¹⁴; и Вл. Соловьев словно повторяет для нашего времени то, что некогда совершил Ориген — правда, включая сюда богатый, часто горестный духовный опыт¹⁵. Надо заметить, к особой чести Вл. Соловьева, что в его время новоплатонизм и в част-

¹² Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) // *Соловьев В.С. Собр. соч.* в 10-ти т. Т. 1. СПб.: Просвещение. 1911. С. 151.

¹³ Соловьев В.С. История и будущность теократии // Там же. Т. 4. С. 243.

¹⁴ Вопрос, был ли Ориген учеником Аммония Саккаса, — спорный. В XIX в. положительный ответ на этот вопрос был преобладающим (См. напр.: *Болотов В.В.* Учение Оригена о Святой Троице. 1879.; *Спаский А.А.* История догматических движений в эпоху Вселенских соборов. 1906.). Однако существует и другие точки зрения, согласно которым Ориген либо вообще не имел никакого отношения к Аммонию Саккасу, либо влияние последнего на Оригена не было значительным, либо же исследователи, причисляющие Оригена к ученикам Аммония, путают его с другим Оригеном — Оригеном Язычником. Интересно, что этой, последней точки зрения придерживался и сам В.С. Соловьев, о чем писал в статье об Оригене в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Там же. Т. 10. С. 439.).

¹⁵ В истории русской философии известно сравнение В.С. Соловьева с Оригеном, впервые произведенное в 1892 г. в № 9 журнала «Странник», где обозреватель определил «Смысл любви» как «исследование современного Оригена»: «Мы готовы усвоить в полной мере это имя г. Вл. Соловьеву, даже превзошедшему древнего Оригена как плодovitостью своего пера вообще, так и количеством в его бесчисленных сочинениях оригинальных философских построений» (Цит. по: *Борисова И.В., Колеров М.А., Носов А.А.* К истории одной дружбы. В.С. Соловьев и С.Н. Трубецкой // *De Visu.* 1993. № 8. С. 20). Наибольшую же известность этому сравнению принес труд А.А. Никольского «Русский Ориген XIX века В.С. Соловьев» (1902 г.).

ности гениальнейшие творения Платона были в полном забвении, и он открыл их (увы, только для себя!) совершенно заново. Лишь в наши дни принялись серьезно изучать Платона и неоплатонизм, хотя и теперь нередко встретить академического философа, «знатока» древней философии, никогда не читавшего Платона.

Другое превосходное сочинение Вл. Соловьева — «Критика отвлеченных начал» (1880 г.) устанавливает основное понятие всей философии автора «Трех разговоров». Понятие это есть софийное положительное всеединство. Оно подготавливает учение об Абсолютном Бытии, как о «Всеедином Сущем», «О Софии Премудрости Божией».

Следуя методу, чрезвычайно родственному Платону, хотя не без влияния Шеллинга и др., Вл. Соловьев показывает, что всякое подлинное бытие обладает свойствами единства, двойственности и триединства. Бог обладает этими свойствами в совершеннейшей и высочайшей степени выражения, и они в Нем уже являются Личностями и Ипостасями. Отсюда Триединство Бога, учение о пресв. Троице. Исходя из понятия Божественной любви к твари и понятия положительного Всеединства, построяет Вл. Соловьев свою систему обоснования христианства в Богословско-догматическом и Нравственно практическом смыслах.

Особенно обаятельно у Владимира Соловьева чувство жизненности, конкретности его мирозерцания. Несмотря на головокружительную высоту и порой необычайную сложность его учения об основаначалах, о первопричинах бытия и особенно учения о софийном конкретном всеединстве, он нигде не бывает «отвлеченным» в дурном смысле слова. Он не отрывает нас от земли, но помогает совершать нам восхождение на горные вершины. Хлеб, который он нам предлагает и которым он нас питает, не его хлеб. Это Тот Хлеб, Который сказал Сам про Себя: «Я Хлеб живой, спешший с небес: едущий хлеб сей, будет жить во век»¹⁶. И поэтому он, как некогда Сократ, умеет возбудить спасительный стыд о недостойной жизни.

«Задача религии исправить нашу извращенную жизнь, ибо вообще мы живем безбожно и бесчеловечно, в рабстве у низшей

¹⁶ Ин. 6:51.

природы. Мы восстаем против Бога, отделяемся от ближних, подчиняемся плоти, а для истинной жизни, какая должна быть, нужно прямо обратное — добровольное подчинение Богу, единодушие (солидарность) друг с другом и владычество над природой»¹⁷. Так говорит философ в «Духовных основах жизни». В этом произведении, равно как и в «Оправдании Добра» он показывает связь догматического учения церкви с жизнью в духе и истине. Он впервые в новейшую эпоху установил живую связь между вероучением и нравоучением и обнаружил нерасторжимость того и другого. Это он открыл нравственное значение догмата о Пресвятой Троице и его общественно-церковное приложение. Вместе с Н.Ф. Федоровым Владимир Соловьев скорбел от зловещей связи безбожия и бесчеловечия во многих учениях и деяниях. Философ усмотрел эту связь одинаково у отвлеченных метафизиков и материалистических натуралистов. Трудно представить себе более уничтожающую критику тех и других, чем ту, которую он дал в глубоком очерке «На пути к истинной философии».

Необычайным блеском парадоксального и в то же время правдивого остроумия является вскрытие безбожия у Гегеля (ибо Владимир Соловьев явным образом метил в него) и бесчеловечия в позитивизме, которое, кстати сказать, мы привыкли считать гуманитарным и даже «гуманным».

Но этот же глубокий, божественно-человеческий, или еще лучше — богочеловеческий, христианский церковный мотив мы усматриваем в том поразительном и умиляющем оправдании «безбожника» и «нехристя» Огюста Конта в его учении о великом существе, как о софийном образе всеединого человечества, которое таким и может стать в силу обожения и оцерковления.

Драма истории человечества, в связи с богочеловеческим мотивом, естественно должна была привлечь пристальное внимание «Философа». Историософские замечания в духе основ его учения развешены у него повсюду, но с особенным блеском его историософия выразилась в «Истории и будущности теократии» (1885–

¹⁷ Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Соловьев В.С. Указ. соч. Т. 3. СПб.: Просвещение. 1912. С. 301.

1887), в этюде о «Византизме и России» (1896) и в трех этюдах «Еврейство и Христианский вопрос» (1881)¹⁸.

Неразрывная связь философствующего богословия и богословствующей философии станет после Владимира Соловьева подлинно и глубоко национальным стилем русского философского творчества, что делает автора «Смысла любви» своеобразным Петром Великим русской мысли.

Влияние Владимира Соловьева просто не поддается учету; только один, кажется, Л. Толстой остался навсегда в состоянии взаимоотвержения с Владимиром Соловьевым — и по вполне понятной причине.

Подобно тому, как грандиозный замысел философии новоплатонизма и широкий универсализм стоиков могли родиться только в гигантском по размаху имперском космосе Рима и создавшейся на его почве эллинистической культуре, так и внутренне родственный Плотину и некоторым мотивам христианизированного стоицизма Владимир Соловьев мог возникнуть и развернуться только на гигантских просторах, раздвинутых творчеством «Рима под популярным кругом» (России)...

Если «Первый Рим» (итальянский) и «Второй Рим» (византийский) создали Вселенскую Церковь и освободили христианство от «запаха стриженных овец», то Третий Рим, в лице Владимира Соловьева, спас Православие от этнического, народнического смрада, и, оправдав мистический замысел Российской Империи, возглавляемой Самодержцем, создал идею христианской нации, в которую свободно должны входить подданные христианского государства, осуществляя полноту Церковного Тела. Заметим здесь, кстати, что идея «христианской нации» или лучше «сверхнации» зародилась в духовно-империалистическом замысле св. ап. Павла, который, победив в себе силой Св. Духа еврейский национализм, сказал:

— Нет уже ни Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе¹⁹.

¹⁸ «Еврейство и христианский вопрос» было написано в 1884 г. и опубликовано впервые в «Православном обозрении» № 8 и № 9.

¹⁹ Гал. 3:28.

И это изрек «иудей от колена Вениамина» по крови, римский гражданин по подданству, эллин по языку и культуре.

Необходимость явления Богочеловека выясняется в итоге самого совершенного историософского труда Владимира Соловьева — в «Жизненной драме Платона» (1898). Смысл этого исследования — роковая безрезультатность в итоге духовной деятельности величайшего философа всех времен и народов.

«Смерть Сократа со всем ее драматизмом; роковой вопрос — стоит ли жить, когда законно убита правда в своем лучшем воплощении; решение — смысл жизни в ином идеальном мире, а этот — есть царство зла и обмана; явление священного Эрота, бросающего мост между двумя мирами и ставящего задачу полного их соединения, спасения низшего мира и перерождение его; бессильный отказ от этой задачи; подмена ее другою — преобразования, исправления общества мудрыми политическими уставами через действия послушного тирана, и, наконец, под предлогом исправления мирской неправды в той самой форме, которою осужден и убит праведник, — я не знаю более значительной и глубокой трагедии в человеческой истории»²⁰.

Другими словами, на примере Платона выясняется финальная беспомощность человеческой природы, если ей не дана высшая благодатная сила.

«Немощь и падение “божественного” Платона важны потому, что резко подчеркивают невозможность для человека исполнить свое назначение, т. е. стать действительным сверхчеловеком одною силою ума, гения и нравственной воли, — поясняют необходимость настоящего существенного Богочеловека»²¹.

Владимир Ильин.

Возрождение. 14 сентября 1935 года.

²⁰ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона / Соловьев В.С. Там же. Т. 9. СПб.: Просвещение. 1913. С. 239–240.

²¹ Там же. С. 241.